

(ПП: вообще это семена растения розовая акация, но в данном контексте переводится как «бобы тоски по любимому». В китайской поэзии это символ разлуки влюблённых, преданности и любви на расстоянии. Они часто упоминаются в древних стихах, особенно в связке с темой долгой разлуки и ожидания.)

Когда встречаются старые знакомые, говорить можно бесконечно. От свадебного пира разговор перескочил к погибшему в Шуанцзине Тянь-геру, и радость с грустью сразу смешались. В конце концов Янь Ци решил больше не упоминать о таких вещах, не стоит чужой бедой себе настроение портить. Он придвинул свою корзинку с иголками и нитками, сменил тему и попросил Сяо Минмина дать совет:

— В тот день я наспех сшил ему один кошелек. Обычный, даже строчка не особо ровная, а он всё равно забрал. Долго такой таскать как-то несолидно. А другого приличного подарка у меня и нет... Думаю, сделать ему новый. Только вот никак не могу придумать, что бы на нём вышить.

Ведь Хо Лин слишком уж мужественный, слишком статный, обычные цветочки ему не подойдут. Вышить цветок — будет чересчур нежно, вышить бамбук — как-то не сочетается с ним...

Сяо Минмин, подперев щеку рукой, старательно пытался языком выковырять прилипший к зубу кусочек сладкого батата и нахмурившись, принялся ломать голову. И вдруг правда что-то придумал. Заулыбавшись, он показал жестом:

— А что если... вышить веточку с листьями и красными бобами?

Красные бобы — символ любви и тоски по любимому. Смотрится не просто красиво, но и со смыслом, как раз уместно, если гер дарит такое мужчине. Не стыдно ни показать, ни подарить.

Янь Ци, представив это, повозил пальцем по кусочку ткани, прикинул, как будет выглядеть рисунок, и с лёгкой улыбкой кивнул:

— Пусть будет так.

Под шелест дождя над Байлуншань хлынул первый весенний ливень. Небо затянуло, из-за чего Хо Лин проспал дольше обычного. Он сбросил с себя одеяло, прыгнул с кана, распахнул дверь и, не выходя из дома, потянулся всем телом, разминаясь на фоне дождливого двора.

Здоровяк тоже выскользнул из западной комнаты, задней лапой почесал ухо и уселся рядом с Хо Лином, глядя вместе с ним на дождь. Время от времени он шевелил носом, ловя свежие ароматы, принесённые ветром и дождём с гор.

В этом году весна засушливая, дождей меньше, чем в прошлом. Первая настоящая гроза припозднилась, и Хо Лин с облегчением вспоминал, как днём нашёл пять пар лвиных грибов, целых десять шляпок, уже подсохших и пожелтевших. Если бы дождь начался раньше, всё бы сгнило прямо на деревьях.

Единственное, что раздражало — завтрашний день, четырнадцатое, когда он должен был спуститься с гор. Почти наверняка придётся месить грязь.

Но стоило вспомнить, зачем он идёт вниз — на свадьбу, да ещё и увидит своего будущего супруга, как и грязь казалась не такой уж бедой: хоть по уши, а на душе всё равно радостно.

Он разделил со Здравьяком последнюю корзинку кукурузных вутоу, выскреб со дна остатки баклажанной пасты, а когда дождь слегка утих, надел на голову соломенную шляпу, переобулся в соломенные сандалии и вышел за порог. Свистнув, он дал команду, и Здравьяк, зная, что делать, помчался вперёд проверять ближайшие ловушки. Хо Лин пошёл следом. На этой тропе деревья были уже почти "обобраны", всё съедобное и ценное давным-давно собрано, так что он даже не останавливался.

Из пяти петель-ловушек сработали две: в одну угодил дикий кролик, в другую рябчик. Рябчик небольшой, и на весах вряд ли потянет на целый цзинь (500 гр), разве что на кастрюльку бульона хватит. Зато мясо у него нежное и вкус отменный. В здешних ресторанах рябчика величают «летающим драконом» — мол, его мясо не уступает драконьему.

Птица эта в ловушки попадает нечасто, охотники предпочитают сбивать её из рогатки. Но так добычу нужно в тот же день унести с гор и продать, если она ночь полежит мёртвой, уже не считается свежей.

Хо Лин за последние дни добыл пять живых рябчиков и всех держал в полупустой кладовке, которую специально расчистил. Завтра вместе с кроликами он посадит их в корзину и отнесёт вниз. Жаль, кроме этих нескольких зайцев и птиц, вся его "добыча" за эти дни только две дикие горные утки, которых он поймал на реке по прихоти.

Все остальные ловушки и западни оказались пустыми. Но если подумать, разве легко поймать что-то крупное? Так же, как и тем, кто ходит по горам в поисках женьшеня — никто не находит его каждый день.

Связав добычу верёвкой и сняв несколько ловушек, Хо Лин сперва отнёс живых зверей домой: кроликов — в клетки, рябчиков — в гнёзда. Слева им положил пригоршню капустных листьев, справа бросил несколько веток берёзы с молодыми побегами, пусть клюют. Затем он снова нырнул в лесную чащу: вместе со Здравьяком бродил по горам в надежде найти ещё несколько пар олених рогов.

К полудню моросящий дождь почти стих. Трава яоцзы-цао, что вяло висела на деревьях всю зиму, напилась влаги и вновь зазеленела, став сочной и блестящей. Хо Лин перекинул пеньковую верёвку через ствол, встал на подножки и начал карабкаться вверх, один за другим

срывая свежие пучки травы.

Такая же трава уже набила немалую часть мешка у него на поясе. Собрав всё, что росло поблизости, он сорвал ещё немного коры и перевязал ею пучки. Закончив, он заметил, что Здоровяк вдруг притих. Оглядевшись, Хо Лин увидел, как пёс пытается просунуть голову в прижатую к земле дуплистую нору.

Заметив приближение хозяина, Здоровяк мельком глянул на него, а потом принялся скрести лапами землю у входа в дупло.

— Тут что-то есть? — Хо Лин присел на корточки, отодвинул Здоровяка в сторону, упёрся ладонями в ствол и наклонился, чтобы заглянуть в дупло. Он подумал, что пёс, скорее всего, загнал внутрь белку. Но вместо пушистого зверька увидел дупло, плотно набитое чёрным маслом.

Так в народе называют лучший сорт чаги — берёзового гриба, что растёт внутри трухлявых, полых берёз. Он плотный, чёрный, с блестящей маслянистой поверхностью. Именно по этой причине заядлые промысловики всегда проверяют дупла на берёзах, вдруг повезёт. Но до этого дерева у Хо Лина руки ещё не дошли, а вот Здоровяк, молодец, всё-таки нашёл.

— Ай, молодчина! Спустишь с гор — куплю тебе самую большую косточку! — с довольной ухмылкой Хо Лин хорошенько потрепал пса по голове.

Он дважды примерился, меняя положение, и в итоге лёг прямо на живот, чтобы полностью вычистить дупло от чаги.

Если на одной берёзе вырастает слишком много трутовиков, она рано или поздно начинает гнить и умирает. Потому опытные промысловики чагу собирают без лишних сантиментов — чем больше грибов уберёшь, тем дольше проживёт дерево.

Чага не только выглядела тёмной, но и вес имела приличный, Хо Лин на вскидку дал ей больше трёх цзиней (около 1,5 кг). Даже если часть гриба отломилась, внутри всё равно не было привычной желтоватой сердцевины, только плотная, насыщенно-чёрная мякоть.

Он прикинул — такая добыча потянет минимум на лян серебра.

Проведя в лесу больше трёх часов, Хо Лин вернулся в свой горный дом. Плечо ломило, руки оттягивала добыча, но шаг у него был лёгкий, с охотничьим удовлетворением.

Когда стемнело, он устроился на тёплом кане, скрестив ноги, и открыл шкатулку с деньгами. В отличие от крестьян в долинах, лесные промысловики вроде него не так зависели от засух или дождей. Если не лениться и знать тропы, можно жить безбедно круглый год. С восемнадцати Хо Лин почти постоянно жил в горах, вот уже пятая зима пошла. За год он обычно зарабатывал

не меньше тридцати лян серебра. А если удавалось вырыть дикорастущий женьшень, добавлялся ещё с десятков-другой. Иногда и больше.

Но сколько бы он ни зарабатывал, трат тоже хватало.

Сначала это были долги семьи, которые он вместе со старшим братом выплатил ещё несколько лет назад, плюс взносы серебром вместо трудовой повинности. Затем ежегодная плата брату с невесткой на общее хозяйство: сюда входили и еда, которую он забирал с собой в горы, и траты по возвращении в деревню, и одежда на все четыре сезона.

Из оставшегося заработка каждый год неизбежно уходило ещё добрых десятков-другой лян: на отношения с людьми, на еду и бытовые мелочи, на покупку и обновление снаряжения. Вот, скажем, железные когти на ноги — вещь дорогая. Но и ломаются часто, потому что пользуются ими почти ежедневно. Как ни береги, за сезон новую пару купить всё равно придётся. У кузнеца за них просят восемь цяней серебра, цена за годы не менялась ни вверх, ни вниз.

А ещё поясной нож — острый, добротный. Прежний, уже привычный, он однажды уронил в расщелину, пришлось за два с лишним лян заказывать новый.

Ну и, конечно, Здоровяк. Пёс этот ел за двоих. Если за год посчитать, сколько ушло на его корм, то и тут наберётся несколько лян.

Так к концу года у него обычно оставалось от шести-семи до чуть больше десяти лян. Сейчас же в шкатулке лежали и медяки, и мелкие серебряные слитки, всего около пятидесяти лян.

Много ли это? Если подумать — совсем не мало. За пятьдесят лян в деревне можно было купить добрых пять му земли, или пару крепких тягловых животных. Даже если решишь построить дом, то и крышу целиком покрыть дорогой синей черепицей всё равно хватит.

А с другой стороны — немного. Потому что ни земли, ни скотины, ни собственного дома у Хо Лина пока не было. А если, как напутствовал староста, всем этим нужно будет по очереди обзавестись, да ещё при этом сохранить хоть какую-то заначку на чёрный день, несложно представить, сколько ещё предстоит заработать.

Раньше, до свадьбы, он и не задумывался о таких вещах. Как говорится, наелся сам — и вся семья сыта. Но Хо Лин никогда и не планировал быть один всю жизнь. А теперь, когда на плечах появилась ответственность, он не чувствовал тяжести, только ощущение: теперь есть, ради чего стараться.

С этими мыслями, решив, что лучше с избытком, чем впритык, он отмерил из шкатулки пятнадцать лян. Пересчитал, переложил несколько мелких слитков в сшитый Янь Ци зелёный кошелек из бязи, затянул шнурок и положил у изголовья, чтобы с утра не забыть взять с собой.

Скоро в доме предстоит большое событие, и потому куда бы ни пошли Хо Фэн с Е Супин в последние дни, с их лиц не сходило выражение радости. Те, кто проходил мимо или заходил по делам, непременно интересовались, когда же свадьба. В связи с этим Янь Ци вот уже несколько дней ходил повсюду вместе с Е Супин и постепенно перезнакомился с немалой частью деревни.

Кто бы ни приходил, на первый взгляд все были приветливы и доброжелательны. Но стоило им уйти, как Е Супин начинала рассказывать, кто из них с хорошим характером, с кем легко поладить, кто честен и искренен, а с кем и вовсе не стоит слишком сближаться. Янь Ци всё запоминал. Впрочем, всё это для него было делом второстепенным, главное, не перепутать, как кого зовут, чтобы не попасть впросак при следующей встрече.

Он и не стремился особенно заводить друзей, одного Мин-гера, с кем можно откровенно поговорить, да доброй невестки, всегда готовой помочь, было вполне достаточно. В будущем, когда он с Хо Лином переберутся в горы, времени в деревне и так будет в обрез, а значит, и хлопот с людьми меньше.

Только что они проводили соседку с восточной улицы. Та принесла десяток куриных яиц, желая обменять их на пять утиных для ребёнка.

В деревне было немного домов, где держали уток, а у семьи Хо, благодаря стараниям Е Супин, утки считались чуть ли не лучшими. Потому люди нередко заглядывали к ним, чтобы обменяться яйцами.

— Вон, корзина с утиными яйцами снова полна, — сказала Е Супин, — пятнадцатого как раз в городе рынок, надо будет отнести продавать. А куриные я пока приберегу, через пару дней будут нужны на угощение, продавать их пока не стану.

Она позвала Янь Ци, чтобы помочь пересчитать яйца. В корзине оказалось ровно сорок штук. В хозяйстве у них было пять уток-несушек. До наступления лета по утрам было ещё прохладно, поэтому утки не неслись каждый день, ушло почти полмесяца, чтобы набралось столько.

Янь Ци знал, что обычно яйца в город продавать относил Хо Лин, вместе с добычей с гор. В этот раз, похоже, он тоже пойдёт с ним, потому и сказал Е Супин:

— Тогда я помогу невестке продавать яйца.

— Вот и хорошо! — обрадованно улыбнулась Е Супин. — В городе-то на рынке весело, тебе как раз перед тем, как в горы уходить, будет в самый раз там побывать.

Она сама пойти не могла, Хо Фэн во время посевной и жатвы постоянно был в поле, а в период

между делами ходил в город на подработки. Ей, как замужней женщине и старшей невестке в доме, негоже было тащить за собой дочку и плестись следом за деверем по базару.

На деле, когда у Хо Лина с гор было много всякой добычи, он частенько попросту не успевал заняться ещё и яйцами, те ведь хрупкие, стоит одному разбиться, и пропадает целая медная монета. Теперь же, когда появился Янь Ци, который мог помочь, с продажей яиц стало куда проще.

Янь Ци, проводя рукой по гладким яйцам в корзине, спросил у Е Супин, можно ли будет завести кур и уток в горах. В деревне, помимо работы в поле, больше всего ценились именно домашние птицы — и как источник яиц, и как мясо, когда птица становилась старой. К тому же их помёт годился на удобрение. А кормились они чем угодно — пшеничными отрубями, кукурузной крупой, листьями овощей, что было в каждом доме.

Жёны и геры не могли, как мужчины, идти на заработки в город, потому большинство из них и копили свою мелкую заначку, продавая яйца.

К сожалению, Е Супин тут же остудила его пыл:

— Это не сработает. В горах совсем не так, как внизу, там орлы да совы всюду летают, только увидят и тут же унесут! Я давно в этот дом пришла, раньше от нашей свекрови слышала, она в молодости тоже пробовала заводить птицу в горах, да ни одна не выжила. Хотелось мяса - шли искать яйца диких уток да фазанов, разве что на зуб попробовать.

Здесь она засмеялась:

— Да и Да Фэн с Лао-эром в детстве, пока в горах росли, этим постоянно занимались.

Янь Ци, услышав, что завести кур и уток не получится, немного приуныл, всё же один способ заработка отпал. Но стоило Е Супин упомянуть Хо Лина, как настроение сразу потеплело. А потом он и вовсе вспомнил, что Хо Лин сегодня возвращается, и сердце его стало горячим, радостным.

<http://bllate.org/book/13599/1205871>